

SFERA ESTETYKI

DOI 10.4467/25439561KSR.17.018.7888

BARTŁOMIEJ BRAŹKIEWICZ

Uniwersytet Jagielloński

Kraków

СМИРИТЕЛЬНАЯ РУБАШКА ДЛЯ ГЕНИЕВ
СЕРГЕЯ АРНО ИЛИ ВОПРОС
О ЛИТЕРАТУРНОМ КРИЗИСЕ

SERGEY ARNO'S NOVEL
SMIRITEL'NAYA RUBASHKA DLYA GENIYEV,
OR THE ISSUE OF LITERARY CRISIS

Streszczenie

Siergiej Arno, współczesny rosyjski prozaik, realizując aktualny wariant tekstu petersburskiego, literacką wizję miasta przedstawia jako istotną przyczynę pojawiania się chorób psychicznych. W powieści *Смирительная рубашка для гениев* Arno zawarł nie tylko liczne rozważania na temat kryzysu panującego zarówno w obszarze literatury rosyjskiej, jak i światowej, lecz również uwypuklił szereg kontrowersji związanych z postrzeganiem szaleństwa z jednej strony, a literackiego geniuszu z drugiej. Powieść, która programowo realizuje założenia fikcji literackiej, poprzez zastosowanie odpowiednich technik nabywa cech utworu odwzorowującego świat rzeczywisty, skłaniając czytelnika do podjęcia refleksji nad zjawiskami zachodzącymi obecnie w obszarze literatury pięknej. We właściwy swemu pisarskiemu stylowi sposób, autor skupia się na problemie kultury masowej oraz na kwestiach globalizacji kulturowej, które w powieści jawią się jako fundament dziwacznej koncepcji tworzenia literatury całkowicie uzależnionej od wpływu czynników ekonomicznych. Uzupełnieniem tych osobliwości są nakreślone w powieści zastanawiające metody diagnozowania i leczenia cho-

rób psychicznych. Jak widać, istotną komponentą fabuły utworu są odniesienia do psychiatrii, której cechą charakterystyczną w rosyjskich warunkach jest jej podporządkowanie władzom. Według Arno, niewyszukany poziom najnowszych publikacji wydaje się mieć związek z realizacją rządowego programu zmierzającego do podporządkowania wszystkich obszarów działań artystycznych wymaganiom gospodarki wolnorynkowej. W ramach tego przedsięwzięcia, w szpitalach psychiatrycznych pisarzy leczy się z ich skłonności do tworzenia ambitnych utworów, w zamian oferując przyuczenie do wykonywania społecznie i ekonomicznie użytecznych profesji. Tym samym można odnieść wrażenie, że we współczesnej Rosji nie ma miejsca dla wybitnych dzieł literackich oraz że na druk zasługują jedynie gwarantujące wydawcom komercyjny sukces bestsellery produkowane przez „twórcze spółdzielnie”. W swej powieści Arno dowodzi ponadto, że współczesna literatura niekoniecznie musi mieć postmodernistyczne oblicze.

Summary

Sergey Arno, a contemporary Petersburg author, represents the existing variant of the Petersburg Text, connected with literary concept of the city constituting significant factors for the emergence of psychiatric diseases. Into his novel *Smiritel'naya rubashka dlya geniyev* Arno entered a number of reflections on the ongoing crisis in Russian as well as world literature, indicating the controversies between madness and literary genius. The text, which carries out the objectives of literary fiction, by applying certain techniques is gaining the strength of realism, and therefore stimulates to follow the question of current phenomena in the field of belles-lettres. In the way characteristic of his style, author focuses on the problem of mass culture and the issues of cultural globalization, to compose the basis for bizarre idea of making literature entirely dependent on economic factors together with peculiar outlook on methods of diagnosing and treatment for mental disorders. As one can see, a great contributor to the novel's plot is psychiatry, with its primary Russian feature recognized as submission to authorities. According to Arno, the low condition of recent literature appears to result from the principles of the government's plan to submit all areas of artistic activities to the demands of free market. As part of the process, in mental hospitals writers are cured from their tendencies to create demanding novels, and acquire useful professions instead. It appears, that there is no place for literary masterpieces in today's Russia, and that only bestsellers, written by efficient cooperatives, are what is worth publishing. However, in his novel Arno proves, that present literature does not necessarily have to bare a postmodern face.

Słowa kluczowe: literatura rosyjska, Siergiej Arno, choroba psychiczna, nadużycia psychiatrii
Key words: Russian literature, Sergey Arno, mental illness, abuse of psychiatry

«В прежнее время книги писали писатели, а читали читатели. Теперь книги пишут читатели и не читает никто.» Оскар Уайльд¹

Сергей Игоревич Арно родился в 1958 году в Ленинграде и принадлежит к среднему поколению современных русских писателей, которые писательским делом начали заниматься еще в 80-е годы. Стоит подчеркнуть, что в литературных кругах Петербурга Арно считается известным автором, который успешно опубликовал семь романов и пару десятков рассказов, вышедших в коллективных сборниках прозы.

Творчество Арно в основном отличается парадоксальным мышлением, абсурдом, применением иронии и черного юмора. Действие всех его романов продолжает и развивает гениальный миф Петербурга – города, полного мрачных, страшных тайн, где он сам живет, творит, создает.

Как утверждает главный персонаж произведения, Петербург единственное место в мире, где только и могут происходить описанные им события². И если Свидригайлов так сказал о Петербурге: «Это город полусумасшедших»³, то героиней романа Арно поясняет: «Это только с первого взгляда Петербург нарисован светом и красками, а еще тьмой. Нет. Суть его – сумерки. Люди ходят по улицам странного города в сумерках, словно бы сами в сумеречном состоянии (...)» (с. 31).

В изданном в 2012 году романе *Смирительная рубашка для гениев*, Арно использовал целый ряд характерных, структурных компонентов эстетики литературного постмодернизма. Отметим, например, отсутствие прозрачности места и времени действия (хотя оно происходит в современном Санкт-Петербурге, это точно), многослойное по структуре повествование, текст в тексте, автобиографические мотивы, смерть автора, игра с текстом и с читателем, и другие. Стоит заметить, что Арно сам себя не считает постмодернистом, а писателем-фантастом, но в то же время, читая его роман, возникает чувство скрываемого текстом значительного богатства, существенного для русского постмодерна.

Арно знакомит читателя с планом своего романа выделяя курсивом в виде цитаты фрагмент текста:

«В самом исчезновении писателя Виктора Пелевина не было бы ничего странного: как человек своеобразного поведения, он пропадал часто, без видимых причин (...) и на исчезновение его можно было не обратить внимания, если бы не последовавшие за этим странные события. Вслед за пропавшим Пелевиным потянулись

¹ О. Уайльд, *Афоризмы*, собрал К. Душенко, Москва 2000, с. 121.

² См.: С. Арно, *Смирительная рубашка для гениев: Роман-бред*, Санкт-Петербург 2012, с. 98, 193. Далее цитирую по этому изданию, страницы указаны в тексте.

³ Ф. Достоевский, *Преступление и наказание*, Paris 1994, с. 403.

и другие известные и не очень известные широкому кругу, но уважаемые в литературных сообществах писатели. Писатели стали пропадать по всей стране. В Москве и Новосибирске, в Петербурге и Костроме... (...) Нельзя сказать, что страна это лишение заметила, ведь массовая культура продолжала свое победоносное шествие» (с. 4–5).

Таким образом роман Арно принимает форму полусонных или бредовых записок сделанных рассказчиком, который неумышленно становится пациентом петербургской психиатрической больницы. Известна в качестве литературного мотива ситуация героя стремящегося узнать все тайны деятельности психбольницы, как это было показано в дебютных романах *Псих* (1978) Александра Минчина или Яцека Глембского *Курация* (1998), превращается из исследования, интереса в самый абсурдный кошмар, который истинный любитель литературы может себе представить.

Оказывается, что одной из основных сюжетных линий является деятельность специального девятого отделения психбольницы, куда как добровольно так и принудительно попадают исключительно выдающиеся прозаики. Этот состав включает в себя и рассказчика – петербургского писателя Аркадия Семеновича, который с течением времени узнает правду о причинах создания девятого отделения.

Как доказывали психиатры, это уникальное лечебное учреждение существует благодаря государственной программе по оздоровлению общества, которая решалась в кругах высшей администрации. Станным образом, соответствующая ей задача – исключить литературу из учебных программ по всей стране, ибо русское «(...) общество отравлено литературой восемнадцатого-девятнадцатого веков. Вечные метания интеллигенции довели Россию до краха! А так называемая духовность привела к нищете и убожеству. Творения Герцена, Пушкина, Толстого и многих других разваливали монархический строй! А книги Солженицына, Шаламова разваливали уже строй социалистический. (...) развалить наш новый демократический строй, твердо стоящий на страже рыночной экономики и собственности олигархов» (с. 109) – уже нельзя.

Согласно проектировщикам государственной программы, которые ссылаются в основном на историю мировой психиатрии: «Уже давно доказано, что литературные способности или даже просто тяга к написанию литературных произведений являются психическим отклонением, причем трудно излечимым отклонением, приравниваемым к паранойе или шизофрениии» (с. 106). Потом выясняется в деталях, что согласно историческим источникам, писатели и поэты «(...) являются социально опасными элементами, и их нужно лечить (...)» (с. 106) от так называемого «(...) пагубного пристрастия писать» (с. 131). Формальным поводом чего служит выработанное убеждение о том, что «На фоне этого развиваются неврозы, психозы, меланхолия и, как следствие, суицид...» (с. 131).

Однако в больницу, в которой находится герой, попадают не все желающие писатели, а лишь только избранные. Попасть туда «(...) труднее, чем в Союз Писателей» (с. 107) на что прямо указывает главврач. Приемная комиссия, по его собственным словам, принимает решения с величайшими предосторожностями и не сомневается в своем праве отвергнуть тех, «(...) которые пишут книги, что называется, 'на злобу дня' (...)» (с. 106) – в чем подразумеваются дешевые детективы или любовные романы. Данный подход объясняется тем, что «(...) эти люди, как правило, адекватные» (с. 106). Можно сказать, что «нормальность» этих писателей заключается в том, что, как считает психиатр «Их задача ясна и понятна всем – заработать как можно больше денег» (с. 106). Как читаем далее в тексте, они не претендуют «(...) на место в истории литературы» (с. 106). Нельзя также сказать, что писатели того качества, той категории, по смыслу имеют что-то общее с великими именами русской литературы. Они, по обыкновению, пишут не «(...) для вечности, а пишут для денег» (с. 106). Совокупное их творчество остается определить не более и не менее, как чтиво «народного употребления» (с. 152).

С точки зрения как государственной администрации, так и психиатров, проблемой считаются писатели, назовем их настоящие, которые своим поведением, своим образом жизни и подходом к этой самой жизни, наносят обществу вред, мешают ему. В ответ на вопрос чем конкретно писатели мешают другим жить, ведь они не сумасшедшие психопаты, главный герой слышит, что «(...) они хуже маньяков!» (с. 108). Причиной такого соображения является именно то, что литераторы находятся словно за пределами общей структуры общества. По наблюдениям врачей, проблема заключается в первую очередь в том, что тот, кто пишет себе тихонько, даже не знает, но должен знать, что ему нужно. Знают это, безусловно, работающие на администрацию доктора, согласно которым необходимы писателю «(...) достойная, сытая жизнь, автомобиль, дача, квартира отдельно от тещи...» (с. 107), то есть так называемая «человеческая жизнь» (с. 107). Наблюдаемое положение, то есть снижение материального статуса пишущей братии, возникает в связи с их неспособностью заботиться о бытовых вопросах и даже с какой-то социальной инвалидностью. Причем, по замечанию врача, «(...) писатели в большинстве своем убогие, одеваются как бомжи, живут как свиньи... Хотя при их интеллектуальном потенциале они могли бы жить по человечески» (с. 108). Из этого можно заключить, что задача психиатров – направить ум, способности и энергию литераторов на пользу новому капиталистическому государству⁴. Дело, разумеется в том, чтобы писатели стремились к получению высших ценностей, а сама высшая ценность нового общества, конечно, деньги⁵.

С явным ироническим оттенком в произведении Арно высказывается мнение автора касающееся влияния современных общественных и культурных те-

⁴ См.: С. Арно, *Смирительная рубашка ...*, с. 108.

⁵ См.: Там же.

чений на молодежную среду. В тексте романа можно найти много моментов, из которых следует, что сейчас особенно юноши и девушки «(...) как никто понимают, что литературный талант не востребован в современном обществе» (с. 108), что «(...) литература и искусство сейчас никому не нужны» (с. 39). Во внутреннем диалоге главного персонажа встречаются такие вот слова: «В кругу продвинутой молодежи писать романы становилось модным, а больница в культурной столице рассматривалась как трамплин в материально обеспеченную жизнь» (с. 153). С большой долей вероятности можно предположить, что вышесказанное основная причина, для которой молодежь идет в психбольницу. В современном мире, юному писателю на первом месте стоит ставить перед собой цель попасть туда, где его успешно будут лечить, то есть научат «(...) как сделать свою жизнь обеспеченной» (с. 109). Таким путем, осуществляя их новое жизненное призвание, «(...) многие совсем перестают писать и заканчивают курсы зубных врачей, юристов, женских парикмахеров...» (с. 108–109), бесплатно получают профессии брокера, хакера, таможенника или гаишника, учатся торговать нефтью или алмазами, некоторых направляли даже на стажировку в администрацию Президента РФ, в министерство финансов и на дипломатическую работу⁶. Как бы то ни было, далее читатель узнает следующие предпосылки, которые насмешливо показывают, что «(...) если молодой человек не может не писать, то пусть пишет так, чтобы было понятно народу и чтобы он мог получать за это приличные деньги, содержать семью, купить себе квартиру, машину... а не для горстки (...) эстетов (...)» (с. 109). В очередной раз автор однозначно указывает на то, что художественная литература из положения высокого искусства отодвигается на уровень не выше ремесла, главной целью которого является обеспечение или повышение материальной жизни его создателя. То, что приводит к деградации как творца, так и потребителя литературы, не грех назвать фабричным производством, конвейером. В таком духе, ставится знак равенства между искусством в целом и любой другой приносящей доход деятельностью, а литературное творчество идентифицируется с изготовлением товаров, которое подчиняется законам свободной рыночной экономики. Итак, мы можем увидеть, что и общественный статус писателя изменился, гордой стала социальная прагматика и именно поэтому, как было рассказано в произведении Арно, согласно общественному мнению «(...) психбольница – это кузница российской элиты, (...) из нее вышли многие политики, министры, руководители политических фракций, и (...) для России она все равно что Гарвардский университет для Америки (...)» (с. 153).

Поклонники высших ценностей после излечения «живут обычной жизнью материально обеспеченных людей» (с. 110). И даже крупные издательства очень

⁶ См.: Там же, с. 153.

рады тому, что писатели больше ничего не сочиняют. На первый взгляд это может показаться парадоксальным, но в государственной программе не может быть ошибок, ведь «(...) государство работает в связке с бизнесом и на большой бизнес» (с. 110). Во время консилиума психиатры внимательно объяснили герою-пациенту, что «никому не выгодно, чтобы автор, ожидая вдохновения свыше, писал книгу два или три года, когда под его именем могло бы выходить пять или десять книг в год» (с. 110). Неслучайно данный проект предусматривает немалую прибыль издательств, а следовательно и огромные поступления в госбюджет, непосредственно используемые на пенсии, здравоохранение и другие бюджетные расходы. В частности и потому самые значительные спонсорские вливания в больницу шли как раз от крупнейших издательств страны⁷. Те же самые издательства, с целью печатать и в дальнейшем продавать как можно больше книг, вместо «больных» авторов нанимают «(...) молодых, энергичных, которые будут писать и уже пишут под этими раскрученными 'брендами'. А сами 'бренды' будут вести ток-шоу, работать менеджерами, министерскими чиновниками, радио- и телеведущими...» (с. 111). В таком образом устроенном литературном мире нет места для авторов упоминаемых как писатели-одиночки. Их место заняли «литературные проекты», которые издательства раскручивают подбирая «(...) симпатичного гламурного молодого человека (...)» (с. 111), который выступает по телевизору, ходит по элитным клубам и тусовкам, ведет публичную жизнь и следит за своей внешностью. В то же самое время армия литературных наемников пишет за этих авторов «(...) понятные всем книги» (с. 127). Известно, что ничто не длится вечно, тем более в сегодняшнем постмодернистском мире, который, по словам Зигмунта Баумана, состоит из многих проектов⁸. Тем же порядком, и в данном случае следует ожидать, что идея исчерпает сама себя, свои возможности, то есть такой конъюнктуры, в которой «(...) проект перестанет приносить прибыль (...)» (с. 127). Однако и тогда не все потеряно, можно было ожидать и этого, а участники государственной программы на все готовы. Лица, несущие ответственность за осуществление данного замысла, так называемые бренд-менеджеры, напишут достойную, использованного до конца писателя, биографию «с определенным количеством несчастной любви, (...) хороших и плохих поступков. Сама жизнь автора будет увлекательным романом» (с. 127).

Автор романа явно указывает на классическую теорию макдональдизации Джорджа Ритцера и принцип эффективности, как ее ключевой элемент, тесно связан с резким ускорением ритма жизни⁹. Согласно концепции американского

⁷ См.: Там же, с. 110–111.

⁸ См.: Z. Bauman, *Spór o ponowoczesność*, [w:] tegoż, *Cialo i przemoc w obliczu ponowoczesności*, Toruń 1995, с. 17, 19–20.

⁹ См.: G. Ritzer, *Mcdonaldyzacja społeczeństwa*, przeł. S. Magala, Warszawa 1997, с. 39, 48–49; а также G. Ritzer, *Magiczny świat konsumpcji*, przeł. L. Stawowy, Warszawa 2001, с. 310–311.

социолога наиболее эффективными считаются те операции, которые можно выполнить за наименьшее время, следовательно, они и приносят наибольшую прибыль. Итак, производство любого изделия ставит акцент на скорости, на первый план выходит количество, а не качество, и «больше» уже значит «лучше». Данный процесс ведет, конечно, к потере качества, и это, по словам самого Арно, тоже касается литературы. «Литература теперь – это тот же ‘Макдональдс’. То же быстрое питание» (с. 127) – открытым текстом говорят допрашивающие главного персонажа люди в белых халатах. И, фактически, дело даже не в том, что книга стала товаром, ибо она им была всегда, а продуктом массового производства стали сами плоды высокой культуры.

Почву для размышлений дает Арно, полностью приводя в романе собственное эссе под названием *Эпидемия графомании – угроза человечеству*, в котором утверждает, что в наш век, «(...) нужно только уметь нажимать клавиши на компьютере (...). Нужно только найти немного времени, (...) и в конечном итоге запросто можно налупить книжку (...)» (с. 115). По собственным наблюдениям автор приходит к выводу, что в настоящее время книги выпускают фигуристы и кондуктора, политики и олигархи, врачи, учителя, инженеры и футболисты, рок-певцы и проститутки¹⁰. И вот именно графомания – настоящее безумие, тяжелое психическое заболевание. И это, конечно, не литература.

На фоне диагноза о возможности «конца истории», гибели человечества, в чем убеждает в своей книге Фрэнсис Фукуяма¹¹, и о чем мы читаем у Сэмюэла Хантингтона¹², Арно будто замечает, что литература утратила значение, которое прежде имела в жизни человечества. В таком контексте в романе появляется тезис о правдоподобном «конце литературы»¹³. Заметим, что в определенном порядке на страницах книги Арно в спецпсихбольницу попадают: Владимир Сорокин, Виктор Пелевин, Валерий Попов, Евгений Попов, Александр Мелихов, Дмитрий Быков, Михаил Веллер, Борис Акунин, Дмитрий Глуховский, Сергей Лукьяненко, Андрей Аствацатуров, а даже Пауло Коэльо и Дэн Браун¹⁴.

Между тем, главный герой романа Арно приходит к печальному выводу: «Что же тогда держит в этой странной профессии, кроме, пожалуй, одного – безумия?! В мире литературы человека может удерживать только болезнь» (с. 144).

Однако, пессимизм главного персонажа смягчает являвшийся ему время от времени, практически с самого начала описываемых событий, Ангел. Обращая внимание на то, что «(...) государством руководят деньги, человеческой

¹⁰ См.: С. Арно, *Смирительная рубашка ...*, с. 115, 117.

¹¹ См.: F. Fukuyama, *Koniec historii*, przekł. T. Bieroń, M. Wichrowski, Poznań 1996.

¹² См.: S. Huntington, *Zderzenie cywilizacji i nowy kształt ładu światowego*, przeł. H. Jankowska, Warszawa 2000.

¹³ См.: С. Арно, *Смирительная рубашка ...*, с. 119, 200.

¹⁴ См.: Там же, с. 107, 120, 145, 150, 155, 163, 180, 182.

душой – религия. Промежуточное звено – творческая интеллигенция, в первую очередь писатели – оказались лишним звеном в структуре. Государству они не нужны, потому, что они не несут денег, религии не нужны, потому, что во всем сомневаются и слишком много размышляют (...), но пройдет лет сто, и этих же писателей будут поднимать на пьедестал (...))» (с. 160).

Ирина Скоропанова, признанный авторитет по русской постмодернистской литературе, поддерживает мнение соответствующее словам философа и писателя Дмитрия Галковского¹⁵. Именно этот представитель третьего поколения русских постмодернистов в его *Бесконечном тупике* заявлял, что «Литература как миф, как способ осмысления мира исчезает. (...) Еще лет 25 – 50 литература продержится на ностальгии, по инерции. И все – провал лет на 100, на четыре поколения»¹⁶.

Арно возвращается мыслью к известным из Библии словам: «В начале было слово» (с. 161). В религиозном плане повествования слово, которое раньше было у Бога, «(...) потом через много лет перешло к писателям и поэтам, и с этого момента стало считаться, что они владеют высшей мудростью. (...) Но в какой-то момент Слово вышло из-под контроля и попало не в те руки, а сейчас вообще к кому угодно...» (с. 161). Говорящий эти слова от имени Всевышней Мудрости Ангел заодно указывает на близкое наступление времен восстановления достоинства Слова, которое состоится благодаря главному герою¹⁷. Происходит это в заключении романа, когда Аркадий возглавляет тайное литературное сообщество. Правда, рассматриваемое временное измерение романа позволяет сделать лишь такой вывод, из которого следует, что на его уговоры поддаются немногие. Однако последователи появились, и хотя их всего человек двенадцать, то он верит, «(...) что придет время, когда все начнется заново, (...) и тогда в начале будет Слово» (с. 264).

По словам Михаила Бахтина «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом)»¹⁸. Своеобразие романа Арно, как произведения постмодернистского, прежде всего определяет внимание к проблемам, особо важным для страны, и это характерно для русского варианта постмодернизма, поэтика которого более политизирована¹⁹.

Татьяна Михайловна Горичева, философ и богослов, в трактате *Православие и постмодернизм*, предлагает российско-православный вариант постмодернизма, который заключается в воздействии вероисповедания на постмодернизм более, чем постмодернизма на христианство: «Возможно ли появление религи-

¹⁵ См.: И. Скоропанова, *Русская постмодернистская литература*, Москва 2001, с. 530.

¹⁶ Д. Галковский, *Бесконечный тупик*, Москва 1997, с. 620.

¹⁷ См.: С. Арно, *Смирительная рубашка ...*, с. 263–264.

¹⁸ М. Бахтин, *Собрание сочинений: Т. 6 Проблемы поэтики Достоевского, Работы 1960 – 1970 гг.*, Москва 2002, с. 424.

¹⁹ См.: И. Скоропанова, *Русская постмодернистская ...*, с. 71.

озного постмодернизма в более положительной и даже церковно-христианской форме? Мне кажется, что – да»²⁰.

Нельзя не привести и другого примера. В исследовании вышеупомянутой Скоропановой среди авторов, выступающих по теме ведущих направлений в современной русской литературе, для пояснения вопроса постмодернистского течения употребляются слова Юрия Арабова. Русский поэт и прозаик предполагает, что «(...) в ближайшее время произойдет резкая смена (...). Постмодернизм отойдет в прошлое. Консервативная тенденция возьмет верх, то есть будет восстановлена духовная вертикаль, наверху которой – Бог, а ниже – все остальное. У наиболее талантливых литераторов эта духовная вертикаль ‘уживется’ с некоторыми стилистическими открытиями эпохи постмодернизма»²¹. Таким образом, можно попытаться построить гипотезу, что этому соответствуют Бог, Ангел, Слово в произведении Арно.

Практически, Арно показывает, что литература не коммерческий проект. Схема развития современной литературы тесно связана с интеллектуальной базой, решающей основные проблемы человеческого существования более эффективно, чем экономические законы спроса и предложения.

Библиография

- Bauman, Z., *Spór o ponowoczesność*, [w:] Tegoż, *Ciało i przemoc w obliczu ponowoczesności*, Toruń 1995, s. 11–31.
- Fukuyama, F., *Koniec historii*, przekł. T. Bieroń, M. Wichrowski, Poznań 1996.
- Głębski, J., *Kuracja*, Kraków 1998.
- Huntington, S., *Zderzenie cywilizacji i nowy kształt ładu światowego*, przekł. H. Jankowska, Warszawa 2000.
- Ritzer, G., *Magiczny świat konsumpcji*, przekł. L. Stawowy, Warszawa 2001.
- Ritzer, G., *Mcdonaldyzacja społeczeństwa*, przekł. S. Magala, Warszawa 1997.
- Арно, С., *Смирительная рубашка для гениев: Роман-бред*, Санкт-Петербург 2012.
- Арно, С., *Эпидемия графомании – угроза человечеству?*, «Литературная газета», 2008, nr 14 (6166, 02.04.2008).
- Бахтин, М., *Собрание сочинений: Т. 6 Проблемы поэтики Достоевского, Работы 1960 – 1970 гг.*, Москва 2002.
- Галковский, Д., *Бесконечный тупик*, Москва 1997.
- Горичева, Т., *Православие и постмодернизм*, Ленинград 1991.
- Достоевский, Ф., *Преступление и наказание*, Paris 1994.
- Минчин, А., *Псих*, Москва 2001.
- Скоропанова, И., *Русская постмодернистская литература*, Москва 2001.
- Уайльд, О., *Афоризмы*, собрал К. Душенко, Москва 2000.

²⁰ Т. Горичева, *Православие и постмодернизм*, Ленинград 1991, с. 56.

²¹ И. Скоропанова, *Русская постмодернистская...*, с. 527–528.